15. ГРѢХЪ НА СОВѢСТИ — ЧТО ШИЛО ВЪ МѢШКѢ.

Солдать стояль на постов у вдовы скорняка. Вдова перебивалась кой-какъ; покойникъ большихъ залишковъ покинуль, а рублевь тысячи полторы нашлось; на эти деньги вдова торговала по мелочи и кормилась, со всей семейкой. Постояльца товарищи ея знали человѣка начальство, смирнаго какъ хорошаго; стояль онъ у вдовы давненько, и она худа отъ него не видала, а была имъ довольна.

Собравшись на ближній торгь, вдова достала на канунѣ деньжонки свои, сосчитала ихъ при своемъ постояльцѣ, положила на сундукъ и стала толковать съ солдатомъ о своемъ дѣлѣ: куда и зачѣмъ поѣдетъ, чего накупить, на долго-ли поѣдетъ, — просила его присмотрѣть между тѣмъ за хозяйствомъ, покуда ея не будетъ, потому что она ему вѣрила, какъ своему;

потомъ накормила она его ужиномъ и пошла спать.

 \mathbf{y} была этой одна ДОЧЬ вдовы замужемъ, зять, парень совсѣмъ И не путный, давно уже приставаль къ тещѣ, чтобы выдълила жену его, дала бы, что причтется изъ отцовскаго наслѣдства; этого мать ея не хотъла; поколъ деньжонки у меня въ рукахъ, говорила она, такъ они цѣлы, да еще и по маленьку прибываютъ; добро ваше не пропадеть и дътей вашихъ, коли Богъ пошлетъ, обувать и одъвать стану, а денегъ вамъ не дамъ; вы и меня и всю семью раззорите и сами себя обидите, а сами тоже добра не увидите. Дочь моя женщина смирная; мужъ ее не слушается, а любитъ, погулять поэтому, самъ прогнъвайтесь, а денегъ я вамъ не дамъ. За это зять не давно еще поссорился съ тещей ей: пригрозилъ сердцовъ И СЪ осердившись на зятя, плакалась на него при стороннихъ людяхъ и говорила, что ей отъ него видно добраго не ждать: онъ и мотъ, буянъ: пьяница, И онъ И онъ коли либо убьють обокрадутъ меня, когда

нибудь, такъ знайте, добрые люди, что никто больше, какъ зятекъ мой!

Касьяновъ — такъ звали солдата — соблазнился между тъмъ деньгами хозяйки своей и поклепомъ ея на зятя; одолъла его страшная дума и не даетъ ему покоя: украду я ночью у хозяйки деньги, да подальше запрячу ихъ, — на меня никто не подумаетъ; сама хозяйка отвела весь отвътъ и поклепъ на своего зятя. Я буду въ сторонъ!

Такъ и сдълалъ. Хозяйка встала чуть свътъ, пошла выгнать корову; Касьяновъ эту пору, собираясь въ чистился объ карауль; не успъла она выйти на улицу, какъ онъ отбилъ замокъ у сундука, деньги сундучокъ закинулъ вынулъ, \mathbf{a} полокъ, въ пустую баню, на задахъ у зятя, дворъ обо дворъ съ тещей. Самъ Касьяновъ пошель, будто за какимъ дѣломъ, одному да другому товарищу, по разнымъ квартирамъ, и пришелъ домой, когда уже воротилась хозяйка и спохватилась денегъ. Она, разумъется, въ крикъ да въ вскоръ пришелъ самъ городничій и добрые сторонніе люди, и началось разбирательство. Напередъ всего спросили хозяйку: не думаетъ ли она на кого? Нътъ ли у нея подозрънія на солдата?

— Чего же мнѣ думать, отвѣчала она, заливаясь слезами: извѣстно, что некому больше, кромѣ моего зятюшки! На Касьянова не грѣшите: упаси меня Богъ отъ поклепа и напраслины; больше некому украсть, какъ зятю!

Пошли съ обыскомъ къ зятю. Онъ подъ хмълькомъ, бранится и клянетъ тещу; обыскали жилой домъ, чердаки, ухажи, въ баню, – анъ тамъ, пошли и полкомъ, лежитъ отбитый сундучокъ.... Улика на лицо; всѣ закричали въ голосъ, завопила на зятя и сама теща; и взяли бъдняка, посадили въ острогъ И день-деньской водить КЪ допросу; судамъ; держали, потащился онъ ПО держали его мъсяца три; тамъ и смерть настигла его, померъ; оставилъ молодую жену на сносахъ, и родила она уже безъ него, какъ овдовѣла.

Касьяновъ молчитъ; нигдъ нътъ на него

наговора, никто его не подозрѣваетъ, не догадывается, гдъ вдовьи деньги; ходить себъ, будто ни въ чемъ не бывало, правъ и чистъ. Однако, какъ поглядитъ онъ на молодую бабенку, что осталась однаодной послѣ мужа, - поглядить о ту пору на малаго ребенка, что родился на свътъ сиротой, - какъ поглядитъ еще на старую хозяйку свою, которая стала раззорятся въ дому съ тѣхъ поръ, какъ украли у нея послъдній достатокъ, чъмъ торговала добывала себъ хлъбъ, – да какъ вспомнитъ еще ко всему этому, что онъ причиной — такъ подвалитъ подъ сердце, ровно камень, что ину пору мочи нѣтъ, хоть свъту бъжать. Бился онъ, перемогался — не сталъ спать по ночамъ, хвораль, а заснеть, такъ мечется, словно въ горячкъ, да бредитъ въ слухъ не въсь что, охаеть и стонеть; только и забудеть горе, какъ достанетъ тайкомъ цѣлковенькой изъ безъ денегъ, ВДОВЬИХЪ да напьется памяти.... А прежде ЭТОГО **3a** нимъ не водилось никогда. Стали поглядывать него товарищи, а временемъ, принималась

усовъщивать и хозяйка; жаль всъмъ хорошаго парня, который ни съ того ни съ сего вдругъ сталъ запивать. Покуда хмъленъ, какъ будто тоска у него отляжетъ отъ сердца, а какъ проспится, приступитъ хуже прежняго.

Разъ вечеромъ Касьяновъ какъ-то сидѣлъ воротами, взявъ **3a** шинель накидку на плеча, и подперся на колѣна въ оба локтя, закрывъ глаза руками. Такъ онъ сидълъ, словно головушку разломило, думалъ думу неотвязную, какъ онъ въ раззоръ раззорилъ добрую, старую хозяйку свою, отъ которой, опричь добра, ничего не видаль; какъ сгубиль занапрасно зятя, да пустиль двухъ сироть по-міру.

время, подошелъ Въ ЭТО КЪ однокашникъ и землякъ его, Воропаевъ. Это быль смирный и умный человъкъ, любили котораго почитали И еще крестьянствъ, хоть онъ и былъ тогда еще очень молодъ. Зная, что младшему изъ большой семьи не миновать рекрутства, онъ, по совъту отца, остался холостымъ до первой очереди ихъ семьи; тамъ поступилъ въ солдаты и пошель безъ плачу и реву, а спокойно, положившись на Бога, — а кто на Бога положится, тотъ не обложится; такимъ остался онъ и во все время на службѣ и теперь дослуживалъ срокъ и часто думалъ о томъ, какъ воротится домой, увидитъ опять своихъ и доживетъ тамъ свой вѣкъ добрымъ и честнымъ человѣкомъ.

Такъ вотъ этотъ-то Воропаевъ, бывшій прежде всегда въ дружбъ съ землякомъ Касьяновымъ, своимъ И самъ тосковавшій по немъ, что человѣкъ самъ не и для чего убивается знаетъ, какъ пропадаеть, - Воропаевъ подошелъ Касьянову, присѣлъ рядомъ съ нимъ его разспрашивать: — Что сталъ землякъ, больно не веселъ? боленъ боленъ, а въ себъ не воленъ; что съ тобой сталось? говори!

Касьяновъ поднялъ голову, поглядѣлъ на товарища, да вздохнулъ: — Такъ, что-то нутромъ не здоровъ: сердце болитъ.

А съ чего-же оно у тебя стало болѣть? Прежде, а я тебя, слава Богу, годовъ съ двадцать знаю, прежде за тобой

этого не водилось; прежде, брать Касьяновъ, не бывало за тобой и грѣшка а теперь....

- Молчи, не говори вслухъ, люди услышатъ, сказалъ, испугавшись, Касьяновъ.
- Что ты, Господь съ тобой, началъ опять товарищъ, да нешто мы съ тобою отъ людей таимся, что ли? Да что съ тобой, Касьяновъ, – у тебя слезы градомъ! Послушай, коли такъ, покайся на видно сдѣлалъ худое дъло. ТЫ Богъ простить, Богь милосердь; воля твоя — а сердце ноетъ у тебя оттого, что грызетъ его совъсть. Ты сталь нынъ погуливать, чего бывало; тобою отродясь не съ деньжонокъ залишнихъ, кажись, у тебя нътъ – вотъ оно что; я давно гляжу на тебя, да молчу, чужая совъсть – темный льсъ.... Гдъ деньги взялъ, Касьяновъ? вотъ съ чего у тебя и сердце болитъ; вотъ съ чего и не спится тебъ, и во снъ-то грезишь не въсть чъмъ, да еще и проговариваешься. Намъдни, какъ въ караулъ мы съ тобой стояли, ты ночью что говорилъ?

- А что я говорилъ? спросилъ, испугавшись, Касьяновъ.
- Ну, ужъ тамъ что ни говорилъ, да говорилъ; ты знаешь, что я обманывать тебя не стану, говорилъ. А слышали, можетъ статься, и другіе; того гляди, заговорятъ, перескажутъ другъ другу вотъ и пойдетъ молва, и ославишься. Господь съ тобою, Касьяновъ, я не начальникъ тебѣ и не духовный отецъ а покайся, поколѣ люди не дознались, а то погубишь ты свою душу.

Касьяновъ заплакалъ на взрыдъ и признался земляку своему во всемъ. Тотъ сперва было не хотълъ и слушать: И не говори мнъ, не вводи въ отвътъ да въ гръхъ; поди, либо скажи начальнику, либо попу, а мнъ этого знать не нужно. Но Касьяновъ просилъ его сидътъ и слушать: пойду удавлюсь, либо утоплюсь, коли ты не станешь слушать меня.... Я деньги укралъ у Селиверстовой и закинулъ сундучишко въ баню, къ зятю; я и душу его сгубилъ и раззорилъ въ раззоръ двъ семьи!

Не боишься ты Бога, молвилъ
 товарищъ его, и не чаешь умереть! И что

же тебѣ пути и проку въ этихъ окаянныхъ деньгахъ! Научился пьянствовать, чего прежде и не зналъ; да вотъ отбило тебя отъ сна, отъ ѣды, да покоробило тебя, словно отъ лихой болѣсти! Что тебѣ въ нихъ радости? Всѣ, что-ли ты прогулялъ?

- Нътъ, больше сотни, чай, не прогулялъ.
 - А тѣ гдѣ-жъ у тебя? цѣлы?
- Цѣлы; въ караульнѣ подлѣ печи, въ бревнѣ гнилой сукъ и дуплина, туда я ихъ засунулъ, да приткнулъ опять мохомъ.
- Что же ты теперь думаешь, какъ
 быть хочешь?
- Ничего я, братъ, не знаю, и ума не приложу; видно пойду и утоплюсь.
- Нѣтъ, Касьяновъ, то ты худое дѣло выдумалъ, а это и того хуже. Пожалуй, утопиться не долго, какъ вотъ не долго было тебѣ и тысячу рублевъ украсть да послѣ что дѣлать? Кого обидѣлъ ты на этомъ свѣтѣ, тому не будетъ легче и отъ смерти твоей; души своей, хоть себѣ жерновъ на шею навяжи, не утопишь. Какъ выйдешь ты на страшный судъ, такъ тебя на

очную ставку, лицомъ къ лицу, и поставятъ съ тъмъ, кого ты на этомъ свътъ погубилъ.

- Какъ-же быть, братъ, спросилъ Касьяновъ, заплакавъ, какъ быть Воропаевъ — дай ума, пропаду!
- Думай да гадай, сколько хочешь, сказалъ Воропаевъ, а не миновать того, что признаться начальнику; проси, чтобъ помиловалъ, чтобъ порѣшилъ своимъ судомъ: деньги, почитай, всѣ цѣлы, и съ Селиверстовой раздѣлаешься честью, и просить не станетъ.

Касьяновъ подумалъ — и ударилъ по рукамъ. За добровольное признаніе, гдѣ никакой улики не было, не отдали его подъ судъ, наказали только по домашнему, приказавъ сдѣлаться съ Селиверстовой. Она рада-рада, что воротила почти всю пропажу свою, которую никакъ не надѣялась увидать; она и не думала просить на виноватаго.

- Ну, что? спросилъ Воропаевъ Касьянова, когда все это было покончено, что, легче-ль теперь на сердцѣ?
 - Легко брать, Воропаевь, Господь

тебя надоумиль да послаль; легко на душь стало — а я бы утопился!...

- Ну, что же, продолжалъ Воропаевъ, какъ же ты теперь думаешь, теперь кончено все и хлопотать намъ не о чемъ?
- Кончено все; чего же еще? И деньги отнесъ, ста рублей только и не хватило; побили не возъ навили, за дѣло; впередъ не попутаетъ меня сатана, не соблазнитъ; кончено, братъ любезный, и совѣсть не мучитъ!
- Нътъ, братъ, не кончено; пойдемъка со мной.

И привелъ его ко вдовѣ, которая жила теперь опять съ дочерью и кормилась почти однимъ только огородишкомъ.

— Вотъ, тетушка, сказалъ онъ ей, пришли къ тебѣ въ кабалу два работника: недобрый человѣкъ, что укралъ у тебя деньги, покаялся, какъ знаешь (а она не знала, кто воръ, знала только, что нашли его, и что онъ выдалъ деньги), покаявшись, да отдалъ тебѣ, что было у него денегъ въ ту пору, да говоритъ, что еще не всѣ, а задолжалъ тебѣ рублевъ съ сотню; вотъ

двоихъ, онъ И нанялъ насъ тамъ ПО нашимъ промежъ домашнимъ счетамъ собой, – и наняль на все льто, чтобъ отрабатывали у тебя, когда не бываемъ на службъ: чай, есть у тебя въ огородъ работишка?

— Дай же ему Богъ спасеніе души, сказала старуха, хоть онъ и сдѣлалъ надомною худое дѣло — а дай Богъ ему спасеніе души: не пропащій онъ человѣкъ и съ совѣстію, и знать Бога боится. Спасибо и вамъ, родимые; работа найдется, какъ не быть — надо полоть, надо подъ позднюю разсаду гряды копать; надо вотъ день—денской поливать, — ну спасибо вамъ, спаси Господь и его!